

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой Оливия Адамсон откликается
на манящий зов благих намерений,
а молодая француженка возносит молитвы
Пресвятой Деве*

Дежурный по железнодорожной станции Гарсдейл уже собирался взмахнуть флажком и подать сигнал машинисту, как вдруг обнаружил, что по перрону вслед за носильщиком, совершенно неподобающим образом пугаясь в пышных юбках и удерживая одной рукой широкополюю шляпу, бежит статная пожилая леди. Заметив, что он мешкает, леди издала залихватский крик и припустила еще быстрее, на ходу подбадривая носильщика, будто тот был жокейской лошастью.

Когда она приблизилась, дежурный, ощущая тайную радость всех, кто облечен маленькой властью и имеет возможность ее применить, приготовился произнести заученную фразу: «Следуя утвержденному расписанию, поезд отправляется ровно в одиннадцать ноль три и ни минутой позже» — и взмахнуть флажком, но раскрасневшаяся от быстрого бега леди перебила его на полуслове.

— Ну-ну, я уверена, что из-за нескольких минут задержки ничего страшного не произойдет. Не будем препираться, — предвосхитила она возмущение мужчины и вложила ему в руку донельзя измятый билет.

К билету она присовокупила банкноту такого номинала, что дежурный опешил и счел своим долгом прикрикнуть на носильщика, чтобы тот поторапливался и не

вздумал задерживать леди, которая явно спешит по важному делу.

Когда все саквояжи переместились с тележки в купе, она уселась на бархатную скамью и царственно кивнула, разрешая приступить к исполнению служебных обязанностей. К этому времени из окон соседнего вагона уже начали выглядывать пассажиры, недовольные задержкой.

Поезд наконец тронулся и проплыл вдоль перрона, постепенно набирая скорость, а леди Элспет Понглтон откинулась на спинку и, пользуясь тем, что находится в купе одна, сняла неудобную шляпу и швырнула на противоположное сиденье. С неприязнью посмотрев на нее, хотя шляпа была ни в чем не виновата, она с наслаждением вытянула ноги и жалобно произнесла в пространство:

— Час от часу не легче. Мало мне Джорджа с Седриком, так теперь еще и вдова Монти!..

Вынув из сумочки письмо, она пробежалась взглядом по мелким пляшущим строчкам и остановилась на особенно возмутительном, по ее мнению, пассаже.

«...не имея на этом свете ни пристанища, ни родной души, я сочла своим долгом посетить родину моего горячо любимого супруга Монтгомери Понглтона, безвременно усопшего и оставившего всех, кто его знал, в неутешном горе. Могу заверить вас, что приложу все старания, чтобы скрасить дни, отпущенные вам милосердным Господом, и стать вам послушной дочерью...»

— Какой вздор! Ну, положим, у меня вот тоже не имеется ни одной родной души, — громко произнесла она, обращаясь к ненавистной шляпе, — но я же не еду к посторонним людям в поисках пристанища?! А намеки на

то, что мои дни сочтены, а? Каково?! Держу пари на сто фунтов, что Монти угораздило жениться на католичке.

Леди Элспет возмущенно фыркнула и принялась обмахиваться сложенными пополам листками письма, лихорадочно соображая, как бы поскорее выставить из поместья не в меру заботливую вдову младшего сына, вообразившую, что мать ее погибшего мужа стоит одной ногой в могиле, и, избежав обид, предложить ей достаточное содержание. Разумеется, не дело, что Монти оставил несчастную женщину без гроша в кармане, но и жить с той под одной крышей она вовсе не намерена. Тем более теперь, когда наконец-то она сама себе хозяйка и не обязана терпеть ничьи указания. «Нет уж, дудки! Пусть погостит до июньского праздника, а потом я ее спроважу», — решила леди Элспет.

Как и всегда, присущее женщине добросердечие победило, принеся облегчение, но все равно осталось чувство, что ее принудили к этому решению, пренебрегли ее собственной волей. Леди Элспет вздохнула, опустив уголки губ. Все еще привлекательное лицо, возраст хозяйки которого выдавали только сеточка морщин и увядшая кожа в уголках ярких голубых глаз, исказилось от неудовольствия. Однако жизнь давно дала понять леди Элспет, что грустить — значит тратить время зря, а у каждой тучки есть серебряная подкладка, и, отбросив мысли о предстоящих хлопотах и разногласиях с сыновьями, она улыбнулась.

Всю прошлую неделю пожилая дама предавалась любимейшим занятиям: игре в бридж и ставкам на ипподроме. Игроком леди Элспет была превосходным, порой позволяя себе такие рискованные ходы, что наблюдавшие за игрой от охватывающего их азарта стискивали зубы

и принимались хрустеть пальцами. Имея на руках самые, казалось бы, невыгодные комбинации, она умудрялась выигрывать и делала это с такой обезоруживающей простотой, что досадовать на нее не приходило в голову никому. С извиняющейся улыбкой деловито записывала причитающиеся ей суммы в миниатюрной пухлой книжечке и ни в малейшей степени не стеснялась напоминать о долге, когда подходил срок уплаты.

Если за карточным столом Элспет Понглтон демонстрировала степенность и невозмутимость, то на ипподроме ее знали как одну из самых взбалмошных леди на свете. Там, сидя на жесткой скамье и наблюдая забег в изящный серебряный бинокль, пожилая дама давала себе волю. Презрев условности, вместе с букмекерами, джентльменами сомнительного рода занятий, отирающимися на ипподроме «жучками» и нарядными девицами, приехавшими развлечься или подцепить удачливого и щедрого пройдоху, она с наслаждением поедала жареные каштаны, купленные у разносчика, выкрикивала ободряющие возгласы жокеям или азартно честила отстающую лошадь, на которую сделала солидную ставку.

Везло леди Элспет просто феноменально. Она практически никогда не оставалась внакладе, не только возвращая затраченные на сомнительное времяпровождение средства, но и приобретая солидный выигрыш.

Те, кто не был близко знаком с ней, и помыслить не могли о таком вопиющем нарушении ею приличий, поскольку пожилая дама вид имела самый что ни на есть респектабельный. Остальные же, те, кто не понаслышке знал об истинном нраве леди Элспет, прощали той некоторую эксцентричность, объясняя ее низким происхождением. Злопыхателей в аристократических кругах

Йоркшира с каждым годом находилось все меньше, ведь красота, хоть и несколько увядшая со временем, неподдельное жизнелюбие, а также живое, порой весьма своеобразное чувство юмора и искреннее добросердечие служат пропуском даже в узкий круг британской знати.

Привыкнув скрывать от всех свои увлечения, леди Элспет два или три раза в месяц предпринимала краткие поездки, нигде не задерживаясь надолго и останавливаясь в недорогих пансионах, где почти не было шансов встретить кого-нибудь знакомого. Потеряв мужа, а точнее говоря, избавившись от гнета его тирании, она разрешила себе блаженствовать целыми неделями, преотлично проводя время в Скарборо или Ричмонде, где у нее имелись соответствующие знакомства. Пожилая дама вдруг снова вспомнила того смешного толстяка в измятом котелке, карманы которого облегчила на сто двадцать фунтов, и довольная улыбка тронула ее губы.

Поезд мчался по виадуку Рибблхед над изумрудными холмами, день обещал быть чудесным, и только две вещи не давали Элспет Понглтон покоя: визит вдовы младшего сына и безапелляционное письмо старшего, Джорджа, полученное с утренней почтой, в котором он уведомлял мать о том, что «...далее так продолжаться не может...», и о том, что он «...не позволит ей забывать о приличиях и порочить доброе имя отца...», и еще о том, что «...он считает своим долгом незамедлительно принять соответствующие меры».

Первым, что увидела Оливия Адамсон, высокая девушка с темными блестящими волосами, небрежно уложенными в косу, шагнул в купе поезда, следующего по

линии Сеттл – Карлайл, была огромная шляпа из соломки ядовито-зеленого цвета с нелепыми виноградными гроздьями на тулье. Шляпа самодовольно устроилась на единственном свободном месте, а напротив нее сидела пожилая рыжеволосая леди, с неподдельным интересом читающая «Панч».

Оливия уже хотела поискать другое купе, но тут дама, бросив журнал на колени, спохватилась:

— О, прошу меня простить. Входите же. Сейчас я уберу ее.

Проворно схватив шляпу, она, вопреки ожиданиям, не водрузила ту на голову, а попыталась сложить и подсунуть под маленький кожаный несессер, располагающийся рядом на скамье. Через мгновение упрямая шляпа совершенно развернулась, подобно складной подзорной трубе, и скинула легкий несессер на пол, заняв все свободное пространство. Пожилая леди, со вздохом капитулируя, надела ее и рассеянно поинтересовалась у попутчицы:

— Не правда ли, она ужасна? Я просто не смогла устоять, настолько она вызывающая.

— В ней есть что-то дионисийское, — туманно выразилась Оливия, подавая забавной леди упавший несессер, и в серых глазах промелькнули искорки смеха.

— Да, да, орибасии¹ и быстроногие вакханки — вот первое, что приходит на ум, когда ее видишь, — с восторгом согласилась та. — В маленьких деревенских магазинчиках порой попадаются любопытнейшие экземпляры. Однажды в Кенте я отыскала превосходный

¹ Ритуальные танцы в горах под предводительством верховной жрицы Диониса.

кушак с единорогами, вышитыми золотой нитью, но так и не осмелилась его носить.

Дежурный торжественно благословил состав, взмахнув флажком, широко зевнул и одернул форменную куртку. Поезд тронулся, и женщины одновременно качнули головами, будто вступая в тайный сговор.

Вспомнив о манерах, Оливия Адамсон посчитала нужным представиться эксцентричной леди, и та, с чопорным достоинством выпрямившись, в ответ произнесла: «Леди Элспет Понглтон из Фроингема. Вдова лорда Артура Понглтона». Потом дамы перекинулись парой слов, но разговор быстро увял; около получаса они ехали молча, листая журналы и с удовольствием разглядывая в окно проплывающие мимо зеленеющие холмы и долины.

Откинувшись на спинку скамьи и погрузившись в чтение, Оливия не сразу заметила, что новая знакомая рассматривает ее с непосредственным любопытством, граничащим с бесцеремонностью. Особого внимания леди Элспет удостоились синие саржевые брюки девушки, от них она перешла к потертому твидовому пиджаку цвета жженого сахара и наконец наткнулась на прямой насмешливый взгляд своей визави.

Ничуть не смутившись, пожилая леди разразилась добродушным смехом и всплеснула руками:

— О, мисс Адамсон, вы непременно сочтете, что у меня ужасные манеры, и будете совершенно правы. И тем не менее я скажу: эта новая мода восхитительна! Хотя сама я на такое, понятное дело, не решусь.

— Отчего же? — вежливо поинтересовалась Оливия. — В Лондоне многие дамы носят брючные костюмы.

— Вы не знаете моего сына Джорджа. — Леди Элспет заерзала на сиденье и заговорщически наклонилась вперед. — Боюсь, для него это станет последней каплей. Он и так считает, что я позволяю себе слишком многое, — таинственно пояснила она.

И без всякого перехода вдруг осведомилась будничным тоном, сощуриив голубые глаза, нисколько не потерявшие с возрастом яркости цвета:

— Скажите, мисс Адамсон, а вы случайно не ищете место?

В тот же момент в голову ей пришла великолепная идея, и она, жестом отменяя и возражения, и возгласы изумления, которые могли бы последовать дальше, решительно продолжила:

— Позвольте мне договорить, дорогая! Я хочу предложить вам место компаньонки. Но не по-настоящему, не взаправду, понимаете? Лишь на то время, что в Мэдлингтоне будут гостить мои сыновья с женами. Мне только сейчас пришло в голову, что это станет отличным решением проблемы.

Оливия отложила журнал в сторону. Любопытство ее разгоралось все сильнее, и поездка, от которой она не ждала никаких неожиданностей, на глазах превращалась в небольшое приключение.

— Какой проблемы, леди Элспет? Вы нуждаетесь в услугах компаньонки?

Та, уловив в тоне попутчицы заинтересованность, наклонилась к ней еще ближе и довольно непоследовательно заявила:

— Да нет же, дорогая, в чем я действительно нуждаюсь, так это в том, чтобы меня оставили в покое. Компаньонка, разумеется, мне не нужна. Смешно даже

и думать об этом! У меня есть небольшой штат прислуги, которая сполна удовлетворяет все мои нужды, а во время путешествий я превосходно справляюсь сама. Нет, речь идет о соглядатае, которого старший сын, Джордж, мечтает приставить ко мне, чтобы тот шпионил за мной и совал нос во все дела.

— Соглядатае? — переспросила Оливия, мысли которой резко изменили направление, а из глубин памяти невольно всплыло воспоминание о болтливой миссис Ромни, постоялице пансиона в приморском городке, где они с братом провели прошлую весну. Миссис Ромни имела обыкновение каждому, кто не успевал заметить ее первым и уклониться от беседы, жаловаться на слезку приставленных к ней констеблей. Само собой, последних никто не видел, зато весь пансион несколько раз за неделю просыпался от истошных воплей миссис Ромни, которой чудилось, что к ней в комнату проникло все полицейское отделение в полном составе.

Эксцентричные манеры, нелепая шляпа, блеск в глазах и торопливая речь... Да полно, является ли эта женщина с виноградными гроздьями на голове вдовой лорда Артура Понглтона? Пристально вглядываясь в лицо попутчицы, Оливия больше не находила в его чертах врожденной аристократичности, свойственной высшему классу. Нос с широкой плоской переносицей и вздернутым кончиком, чересчур выдающаяся челюсть, полноватая, оттопыривающаяся нижняя губа и глубокие ямочки на щеках — все это выдавало происхождение из низов. И все равно леди Элспет Понглтон, или женщина, выдающая себя за нее, в юности наверняка была ослепительной красавицей.

— Ох, дорогая, вы явно пришли к выводу, что у меня не все дома, — покачала головой леди Элспет, правильно истолковав отчужденный вид Оливии, который та мгновенно напустила на себя. — Уверяю, я в своем уме и не страдаю никакими душевными хворями. Разве что сплю порой не так крепко, как в молодости, особенно если ужин был поздним.

— Почему же сын стремится навязать вам услуги компаньонки? Ведь должна быть этому причина? — все еще настороженно спросила Оливия.

— Потому что он боится, как бы я не растратила подчистую фамильное состояние, — с невозмутимым выражением лица сообщила леди Элспет. — И надо признать, его опасения не напрасны, — тут она расхохоталась так заразительно, что Оливия не выдержала и улыбнулась.

Хохот пожилой леди был отнюдь не похож на деликатное хихиканье благовоспитанных дам. Нет, она смеялась от души — ямочки на ее щеках трепетали, пенсне на серебряной цепочке подскакивало на пышной груди, а виноградные грозди на шляпе пустились вскачь, и одна ягодка из выдувного стекла, не удержавшись среди товаров, разбилась, упав на пол.

— Правда-правда, я страшная транжира! — с какой-то даже гордостью заверила Оливию леди Элспет. — Зачем же еще нужны деньги, как не за тем, чтобы их тратить? Это и не дает Джорджу покоя. Представляю, как он мучается, бедняга, прикидывая в уме мои расходы на дом, туалеты и развлечения, особенно теперь, когда цены растут как сумасшедшие. Его заветная мечта — чтобы я нашла себе крошечный скромный коттедж, а Мэдлингтон и управление всеми делами передала ему. Тогда он почувствовал бы себя счастливым, просто невероятно счастливым.

Последние слова леди Элспет произнесла таким тоном, что Оливии стало ясно: подобного развития событий в обозримом будущем Джорджу Понглтону ждать не стоит.

Промокнув уголки глаз платком, пожилая леди продолжила с прежним пылом:

— И вот Джорджу в его глупую лысеющую голову пришла идея: прислать ко мне, в Мэдлингтон-Касл, компаньонку. Некую миссис Прендергаст, попавшую в стесненное положение вдову каноника, которая в прошлом занималась миссионерской деятельностью. Нет, вы только вообразите себе эту женщину, дорогая мисс Адамсон! Однажды, когда я ужинала в Шеффилде у друзей, там была чета миссионеров, и вечер для всех присутствующих оказался безнадежно испорчен. И если эта Прендергаст хоть вполовину похожа на тех людей...

— То есть, чтобы избавиться от нее, вы, леди Элспет, хотите выдать меня за свою компаньонку?

— О, дорогая, вы так быстро соображаете! Я ничуть в вас не ошиблась. Я вообще очень хорошо разбираюсь в людях, да. Как только вы вошли, я сказала себе: «Вот кто поможет мне обвести Джорджа вокруг пальца! Такая милая юная леди не допустит, чтобы ни в чем не повинную старушку третировали в ее же собственном доме». Так вы согласны? Ну же, соглашайтесь! — И леди Элспет, молитвенно сложив ладони в лайковых перчатках, уставилась на попутчицу взглядом, полным мольбы.

По мнению Оливии, та нисколько не походила на беспомощную старушку, а на того, кто вздумал бы ее третировать, ей даже было бы любопытно взглянуть, но к тому моменту она уже подверглась влиянию удивительного обаяния, которое отмечали все, кто заводил знакомство

с леди Элспет. Сложно сказать, как ей это удавалось — проговорив с леди Элспет немногим более пяти минут, почти каждый проникался к ней искренним расположением и был готов на многое, лишь бы оказаться ей полезным. Подобное исключительное свойство менее добросердечный человек непременно использовал бы во вред окружающим, однако справедливости ради стоит отметить, что леди Элспет не злоупотребляла своим даром.

Оливия предприняла последнюю попытку выскользнуть из опутавших ее чар:

— Но ведь я даже не знаю, что входит в обязанности компаньонки! Мне всегда казалось, что они только и делают, что вычесывают комнатных собак и читают вслух душещипательные романы о монахинях и подкидышах.

— Именно так, дорогая, именно так! — согласно закивала леди Элспет. — А еще портят жизнь своим хозяевам постным выражением лица и жалобными вздохами. Но вам переживать не стоит: собак я не держу, а чтение вслух ненавижу. Вы будете находиться в Мэдлингтоне на правах гостыи, однако никто об этом не должен знать. У меня великолепный сад и отличная повариха. К тому же все это ненадолго — только до ежегодного праздника, который состоится в середине июня. Сразу же после него мои сыновья покинут поместье, и дальше вы вольны уехать в любой момент. Речь идет всего лишь о четырех днях, не больше, и вы можете требовать любую оплату, которая компенсирует ваши неудобства. Ну так что же, мисс Адамсон, беретесь выручить меня? — Леди Элспет смягчила хищную настойчивость своих слов мягкой просительной улыбкой, и у глаз ее появились лучики добродушных морщинок.

Сама от себя не ожидая столь быстрой капитуляции, Оливия как зачарованная кивнула, и пожилая дама принялась горячо благодарить девушку, расписывая прелести пребывания в Мэдлингтоне и сияя довольной улыбкой. От активных движений со шляпы скатилась еще одна стеклянная виноградинка, с тихим звоном разбившись об пол.

В это же самое утро в другой поезд, следующий по железнодорожной линии Сеттл – Карлайл, села еще одна молодая женщина. Ее яркая внешность выдавала галльское происхождение, а легкий акцент не оставлял сомнений в том, что она иностранка.

С нею были двое мальчиков, один чуть постарше другого. Они чинно уселись на скамью напротив матери, причем старший опекающе приобнял брата, положив ему на плечо смуглую ладошку, и оба молча, крайне внимательно принялись следить за сутолокой железнодорожного вокзала. Почувствовав любящий взгляд матери, старший мальчик улыбнулся ей, обнажив трогательную щербинку между зубами, и у той привычно защемило сердце, так сильно ребенок напомнил ей своего отца.

Пользуясь тем, что в купе третьего класса еще не вошел никто из остальных пассажиров, женщина быстро придвинулась к детям и принялась торопливо говорить по-французски:

— Вы все запомнили? Робер, Жан? Вы должны называть ее леди Элспет Понглтон, а если она будет с вами добра, то бабушкой. И не должны никому мешать и ни с кем разговаривать, кроме меня. Особенно если вас устроят в отдельной комнате...

Младший мальчик подался вперед и восхищенно вытаращил темно-вишневые, почти черные глаза:

— У нас что, будет собственная комната?

— Мэдлингтон-Касл — огромный замок, там у каждого есть своя комната, — терпеливо объяснила женщина. — Так вот, вы ни в коем случае не должны шуметь и безобразничать. Робер, ты проследишь за братом, чтобы он не убежал и не прятался, как обычно? — обратилась она к старшему.

Тот обстоятельно кивнул, изо всех сил стараясь держать себя хладнокровно, как и подобает старшему брату, но и его глаза горели восторгом от предстоящего приключения. Пока они переплывали Ла-Манш, мальчик пытался представить себе замок, в котором им предстояло теперь жить, и каждый раз в его воображении замок этот становился все больше и больше, превращаясь в такую громаду, что, казалось, его крыша достает до самых небес и звезды днем скрываются на чердаке, в спасительной тени, чтобы их прохладные серебряные тела не расплавили солнечные лучи.

— Вы должны выполнить все, что я сказала, — жалобно попросила женщина, заглядывая в глаза каждому из сыновей, чтобы убедиться, что они уяснили ее наставления. — И помните: вы никого в Англии не знаете!

Время шло к полудню, но она уже выбилась из сил. Путешествие через Ла-Манш измотало ее, качку она всегда переносила плохо. Хорошо хоть дети не доставляли особых хлопот и, вопреки ожиданиям, не страдали морской болезнью. Сама же она до сих пор ощущала слабость, кожа лица и тела была липкой от выступившего пота, и каштановые вьющиеся волосы прилипли под шляпкой ко лбу.